

Пространство и идентичности в двух княжеских житиях средневековой Руси (конец XIII – начало XIV в.)

Пётр Стефанович

Space and identities in two princely vitae of Medieval Russia
(late 13th – early 14th centuries)

Petr Stefanovich

(HSE University, Moscow, Russia;

Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X24040018, EDN: FGERGL

Описание и презентацию пространства, образы и представления об окружающем мире, привязанном к географическим объектам, некоторые учёные, занимающиеся историей доиндустриального мира, называют ментальной или когнитивной картой¹. Особый и сложный случай такого рода воображаемой карты – осмысление пространства, населённого людьми. Человек идентифицировал себя среди других людей, группируя их в некие общности, определяя (называя) их и солидаризуясь с какими-то из них или, напротив, противопоставляя их себе. «Представления человека о мире вместе с тем отражают его представления и о самом себе. Так и восприятие человеком пространства связано с его самооценкой», – писал А.Я. Гуревич уже более полувека назад, не используя термина «идентичность»². Сегодня, вероятно, большинство учёных прибегнут именно к этому термину, имея в виду критерии идентификации *своих* и *чужих*, базовые для этнокультурного самосознания³.

На древнерусских материалах уже ставился вопрос о ментальных картах, отражавших восприятие мира средневековым человеком⁴. Понятие «идентичность», которым оперируют исследователи, позволяет вскрыть разные стратегии (само)идентификации людей и разные уровни (локальный, надрегиональный) этнокультурного и этнополитического сознания⁵. Но пока речь идёт

© 2024 г. П.С. Стефанович

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-01032.

¹ См., например, на русском языке: *Шенк Ф.Б.* Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе // *Политическая наука*. 2001. № 4. С. 4–17; *Подосинов А.В.* Карта и текст: два способа репрезентации географического пространства в античности и средневековье // *Древнейшие государства Восточной Европы*: 2006. М., 2010. С. 10–16. Ср. обсуждение понятия «ментальные карты» в специальном выпуске журнала: *Mental maps: geographical and historical perspectives* // *Journal of Cultural Geography*. 2018. № 2.

² *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 78.

³ Ср.: *Чумакова Т.В.* «Свои» и «чужие» в отечественной культуре XI–XVII вв.: проблема коммуникации // *Человек вчера и сегодня: междисциплинарные исследования*. Вып. 5. М., 2011. С. 184–196.

⁴ См., например: *Коновалова И.Г., Мельникова Е.А.* Древняя Русь в системе евразийских коммуникаций IX–X веков. М., 2018. С. 209–230.

⁵ *Стефанович П.С.* Новые подходы к этничности в медиевистике: взгляд из «древнерусской перспективы» // *Историческая память и российская идентичность*. М., 2018. С. 467–486.

скорее о постановке проблемы, чем о глубоких и детальных исследованиях отдельных источников, за исключением, пожалуй, лишь «Повести временных лет» (в связи с происхождением руси⁶).

В настоящей статье предпринимается попытка выявить ментальную карту, представлявшую свою общность в определённых отношениях с чужими, на материале двух древнерусских текстов, близких по идеям и происхождению, но в то же время во многом различных по содержанию. Речь идёт о житиях Александра Невского и Михаила Тверского — князей Северо-восточной Руси эпохи татаро-монгольского ига. В обоих житиях моделирование пространства, заполненного теми или иными общностями, тесно связано с представлениями о прошлом, т.е. с образованием и историей этих общностей, а прежде всего, своей общности. Таким образом, отталкиваясь от географических указаний, анализ приводит к выявлению своего рода хронотопов (темпорально-пространственных координат), на которых построены житийные нарративы.

Оба текста давно попали в поле зрения историков. Особенно известно Житие Александра Невского — основной источник сведений о князе, ставшем знаковой или даже культовой фигурой в русскоязычной историографии и российской публичной истории. Сегодня мы располагаем текстологическими исследованиями житий и их академическими изданиями, выполненными на высоком уровне с учётом их бытования в книжно-литературной традиции. Нельзя сказать, что доступны или надёжно и полностью реконструированы оригинальные тексты, но сохранившиеся списки, судя по всему, достаточно точно их отражают.

Ю.К. Бегунов, специально изучавший Житие Александра Невского, считал список в Псковской летописи основным для наиболее близкого к оригиналу «I вида первой редакции» жития⁷. Важно учитывать также список Лаврентьевской летописи 1377 г. как древнейший (тоже принадлежащий к «первой редакции», по Бегунову, но другого вида) и другие списки, так как есть отдельные разночтения, пока не получившие убедительных объяснений⁸. Бегунов датировал создание оригинального текста 1280-ми гг., но некоторые данные позволяют предложить более раннюю датировку — вскоре после смерти князя Александра в 1263 г.⁹ Житие написано явно во Владимире и человеком близким князю, происходившим, возможно, из Переславля Залесского¹⁰.

Житие Александра Невского довольно своеобразно по литературному стилю, а также по выборке и трактовке биографических сведений о князе. Традиционные агиографические образцы и каноны соблюдены в незначительной

---

⁶ Здесь и далее слово *русь* пишется со строчной буквы как обозначение народа; когда речь идёт о стране и государстве, используется прописная.

⁷ Бегунов Ю.К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965. С. 16–19, 186.

⁸ Колуччи М. Первоначальная редакция «Жития Александра Невского»: заметки по истории текста // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом) (далее — ТОДРЛ). Т. 50. СПб., 1996. С. 252–260. Впрочем, в тех местах и пассажах, которые анализировались в данной работе, принципиально важных по смыслу разночтений между списками не обнаружилось.

⁹ Кучкин В.А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII — первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X — начало XX в. М., 1990. С. 36–39.

¹⁰ Коняевская Е.Л. О Житии Александра Невского // Исторический вестник. Т. 35. М., 2021. С. 71.

степени, зато много черт, свойственных жанру воинской повести. Есть заимствования из ветхозаветной части Библии и из светских произведений, но мало из Нового Завета и агиографической традиции. Эти особенности Жития даже трактовались в науке как результат механического соединения в нём текстов разного происхождения — церковно-религиозных и светских (воинских). Однако, как показали специальные исследования, текстологических оснований такие трактовки не имеют¹¹.

Житию Михаила Тверского посвящено фундаментальное исследование В.А. Кучкина¹². Позднее он же подготовил публикацию текста по списку, наиболее близкому к оригиналу (хотя в некоторых случаях другие списки дают лучшие чтения)¹³. Михаил Тверской был убит в Орде 22 ноября 1318 г., а его житие составлено, вероятно, вскоре после похорон князя в Твери осенью 1319 г., но во всяком случае до 1325 г. Автором являлся близкий князю человек, писавший в Твери и не сомневавшийся в святости своего бывшего «господина». Возможно, как считает Кучкин, это был игумен тверского Отроча монастыря Александр, сопровождавший князя в его последней поездке в Орду.

С литературной точки зрения Житие Михаила Тверского гораздо больше соответствует канонам агиографии¹⁴. Но в нём тоже есть некоторая композиционная нестройность. От основной части, где описана борьба Михаила с московским князем Юрием Даниловичем и ордынским баскаком Кавгадыем, а затем его мученическая смерть, отличается историческое введение. В старой литературе даже высказывалась мысль об инородном происхождении введения, более позднем относительно основного рассказа о «страсти» Михаила¹⁵. Однако, опять же, для этой мысли нет текстологических оснований.

В литературе исследовалось идейное содержание обоих житий, однако в основном учёные подходили к этим исследованиям либо со стороны политической истории, либо с чисто литературной. Нередко историки оценивали фактическое содержание житий критически и скептически (особенно это касается Жития Александра Невского, апологетического и тенденциозного в подборе и умолчании фактов)¹⁶, но не пытались понять особый художественный мир этих произведений. С предложенной точки зрения ни каждое из житий само по себе, ни оба в сопоставлении, до сих пор не изучались¹⁷.

---

¹¹ Последняя работа в таком духе текстологически и содержательно совершенно неубедительна: *Ostrowski D. Dressing a Wolf in Sheep's Clothing: Toward Understanding the Composition of the Life of Alexander Nevskii // Russian History. 2013. Vol. 40. P. 41–67.* В русскоязычной историографии эта и другие работы Д. Островского не удостоились реакции, в англоязычной критика высказывалась: *Torres-Prieto S. «A Godly Regiment in the Heavens Came to help Aleksandr...»: The Sanctity of Heroic Princes in Kievan Rus' // Dubitando. Studies in History and Culture in Honor of Donald Ostrowski. Bloomington, 2012. P. 67–83.*

¹² *Кучкин В.А. Повести о Михаиле Тверском. Историко-текстологическое исследование. М., 1974.*

¹³ *Кучкин В.А. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском // Средневековая Русь. Вып. 2. М., 1999. С. 116–163.*

¹⁴ *Коняевская Е.Л. Очерки по истории тверской литературы XIV–XV вв. М., 2007. С. 28–46; Андреева Е.А. Михаил Тверской глазами древнерусских книжников. М., 2019. С. 47–97.*

¹⁵ *Кучкин В.А. Повести о Михаиле Тверском... С. 220–222.*

¹⁶ *Лурье Я.С. К изучению летописной традиции об Александре Невском // ТОДРЛ. Т. 50. С. 387–399.*

¹⁷ Есть лишь небольшая статья, где сопоставляются биографии князей как набор фактов: *Гадалова Г.С. Александр Невский и Михаил Тверской // Александр Невский: личность, эпоха, исто-*

Начну с хронологически более раннего Жития Александра Невского. Для него характерна широта пространственной перспективы. Автор, торжественно возвещая славу своего героя, как бы возвышает его фигуру над всеми мыслимыми рубежами и границами и целенаправленно подбирает из его биографии события международного значения. С самого начала говорится о выдающихся чертах героя, которые, как бы сказали сегодня, получили международное признание. Доказывается это ссылкой на его встречу с неким предводителем Ливонского ордена, о которой сказано так: приходил «нѣкто силенъ от западныхъ страны, иже нарицаются слугы Божия... именемъ Андрѣяшъ, видѣвъ князя Александра и, възвратився къ своимъ, рече: “Прошед страны, языкъ, не видѣхъ такового ни въ царехъ царя, ни въ князехъ князя”»¹⁸. Возможно, речь шла о дипломатическом визите (в реальности, разумеется, чисто практического свойства) орденского рыцаря Андреаса фон Вельвена¹⁹. После описания подвигов Александра специально сказано о его известности: «И нача слыти имя его по всѣмъ странамъ, и до моря Хонужьскаго²⁰, и до горъ Араратскихъ²¹, и об ону страну моря Варяжьскаго, и до великаго Риму»²². Мысленный охват пространства — от южных морей и горных хребтов до Балтийского моря и Рима.

В уста самому Александру вкладываются слова, переносящие политические конфликты в некую божественно определённую картину сосуществования народов. Отправляясь из Новгорода к Неве в 1240 г., Александр молится: «Боже... положивы предѣлы языком, повелѣ жити не прѣступающе в чужую часть»²³. Эти слова отталкиваются от библейского текста (Втор. 32:8 и др.). Но не менее важна ориентация на «Повесть временных лет», которая начинается с обширной панорамы расселения народов и в которой звучит та же мысль о противозаконности «преступать» чужие «пределы» (хотя в другом контексте — межкняжеских, а не международных отношений)²⁴. Эта летописная парадигма явно учитывалась агиографом, мыслящим в категориях «языщев», «стран», «земель» и «пределов».

Нарративная композиция Жития Александра Невского устроена так, чтобы показать, как князь противостоит враждебным силам с Запада и Востока. Акцент сделан на взаимодействии с Западом, и именно с этого начинается рассказ: после упоминания об Андрееше «от Западныхъ страны» говорится о победах в Невской битве и Ледовом побоище. Во второй части Жития сообщения о контактах перемежаются: и с Западом (имеем в виду, прежде всего, рассказ

рическая память. К 800-летию со дня рождения. Материалы международной научной конференции (25–27 мая 2021 г., Москва, Россия). М., 2021. С. 226–237.

¹⁸ *Беунов Ю.К.* Указ. соч. С. 161–162. Ср. в Лаврентьевской летописи, где житие сохранилось лишь в начальной части (ПСРЛ. Т. 1. Л., 1926. Стб. 477–481).

¹⁹ *Кучкин В.А.* Александр Невский — правитель и полководец // Александр Невский. Государь, дипломат, воин. М., 2010. С. 111–112.

²⁰ Какое имеется в виду море, неясно. Предполагают, что Каспийское. Возможно, вариант других списков правильнее: «моря Египетскаго» — тогда речь идёт о Средиземном море.

²¹ Вариант в других списках: Аравитских.

²² *Беунов Ю.К.* Указ. соч. С. 173.

²³ Там же. С. 162–163; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 478.

²⁴ *Ранчин А.М.* Об одном мотиве в Житии Александра Невского // Воинство земное — воинство небесное. Материалы XVIII всероссийской научной конференции памяти святителя Макария. Вып. 18. Можайск, 2011. С. 447–450; *Ляпин Д.А.* Мотив нарушения границ в «Житии благоверного и великого князя Александра» // Александр Невский: личность, эпоха, историческая память... С. 340–345.

о папских посланниках), и с Востоком — с Ордой. Рассказ о об этой второй стороне вводится словами, описывающими восточного «царя» (то ли монгольского хана Гуюка, то ли Батюя, о котором говорится ниже): «В то же время бѣ царь силенъ на вѣсточнѣй странѣ, иже бѣ ему Богъ покорилъ языки многы, от вѣстока даже и до запада. Тѣй же царь, слышавъ Александра тако славна и храбра, посла к нему послы и рече: “Алекса́ндре, вѣси ли, яко Богъ покори ми многы языки? Ты ли един не хошеши покорити ми ся? Но аще хошеши съблюсти землю свою, то приеди скоро къ мнѣ и видиши честь царства моего”»²⁵. Деяния Александра становятся как бы частью глобальной политики лидеров и повелителей «многих языков» (народов) в разных сторонах света.

Естественно, встаёт вопрос: как характеризовалась та территория или область, которой правил сам Александр и которую он должен был оберегать между Западом и Востоком, каково было её место среди прочих? Удивительно, но точного ответа Житие Александра Невского не даёт.

В первой его части, где речь идёт о победах невской и чудской, Александр выступает защитником Новгорода. Об этом говорится эксплицитно, причём подчёркивается, что Александр возглавлял новгородцев и получил благословение на Невскую битву от новгородского архиепископа непосредственно в Софийском соборе. Нападение шведов предваряется изложением помыслов их предводителя, «короля части Римския от полунощныя страны», и затем его угрожающим посланием Александру. Так сказано о замыслах: «Поиду и плѣну землю Александрову». Так в послании: «Аще можеша противитися мнѣ, то се есмь уже zde, плѣняя землю твою»²⁶. Дважды используется слово «земля», и в контексте столкновения Швеции и Новгорода его надо понимать как указание на Новгородскую землю. Из летописных и других источников известно, что в начале 1240-х гг. Александр был только новгородским князем (и, вероятно, тверским). Лишь в 1249 г. он получил Киев, а в 1252 г. стал великим князем владимирским.

Дальше для описания владений Александра используются ещё два слова. Сразу после описания Невской битвы агиограф пишет: «Въ второе же лѣто по возвращении с побѣды князя Александра приидоша паки от западныя страны и возградиша град въ отечествѣ Александровѣ»²⁷. Речь идёт о строительстве крепости Копорья немцами Ордена в 1241 г. Это была территория Новгородской земли, которая теперь названа «отечеством» Александра. Древнерусское слово «отечество» было многозначно²⁸. В данном случае оно не могло обозначать родину Александра (он родился в Переславле Залесском) и вряд ли имело какой-то возвышенный смысл (подобно современному слову). Видимо, автор хотел подчеркнуть наследственные права князя на территорию, т.е. имелось в виду наследство от отца, которое обычно называлось «отчиной». Ниже, сразу после описания Ледового побоища, другая часть Новгородской земли называется «волостью» Александра. О нападении литовцев на Торжок и Бежецкий Верх в 1245 г. сказано так: «В то же время умножися языка литовьскаго, и начаша пакостити волости Александрове»²⁹.

²⁵ *Бегунов Ю.К.* Указ. соч. С. 173–174.

²⁶ Там же. С. 162.

²⁷ Там же. С. 169.

²⁸ *Колесов В.В.* Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб., 2000. С. 256–258.

²⁹ *Бегунов Ю.К.* Указ. соч. С. 173. Вариант некоторых списков — вместо «волости» «(в) области» — представляется вторичным.

Во второй части Жития для характеристики владений Александра используется исключительно слово «земля». Однако речь идёт уже не только о Новгороде и Новгородской земле. Описываются отношения князя с Батыем и принятие посланников папы римского. В Орду и далее в Монголию Александр ездил в 1247–1249 гг. как претендент на великое княжение Владимирское. С 1252 г., после Неврюевой рати и бегства брата Андрея, Александр окончательно утвердился в великом княжестве Владимирском. Когда папские послы нанесли визит Александру и где, не ясно (если вообще верить этому сообщению)³⁰. Раньше считали, что князь должен был принимать их в 1251 или начале 1252 г. в Новгороде; по последней версии, он принимал их уже как великий князь Владимирский в конце 1252 – начале 1253 г.³¹

Все эти события изложены в Житии Александра Невского в не вполне внятной последовательности и без каких-либо хронологических указаний. Во всех речах, которые агиограф вкладывает в уста героев, и в словах от его собственного лица говорится только о «земле» Александра в самом общем смысле. О «земле своей» упоминается в процитированном выше пассаже с речью хана (Гююка или Батяя), обращённой к Александру («но аще хоцещи съблюсти землю свою, то приеди скоро къ мнѣ и видиши честь царства моего»). Тут же сказано, что Александр въехал во Владимир «в силѣ велицѣ. И бысть грозень приездъ его, и промчеса вѣсть его и до устья Волгы»³². Чуть ниже, сообщая о восстановлении великого княжества после Неврюевой рати, агиограф пишет от себя: «Распространи же Богъ землю его богатствомъ и славою, и удольжи Богъ лѣтъ ему»³³. В речи папских послов говорится о «великой земле»: «Папа нашъ тако глаголет: “Слышахом тя князя честна и дивна, и земля твоя велика”»³⁴.

Очевидно, в этих пассажах Александр выступает уже как великий князь Владимирский (хотя формально он в каких-то эпизодах ещё им и не был), а под его «землѣй» имелось в виду Владимирское великое княжение в смысле всех владений потомков Всеволода. Оно в этой части Жития и упомянуто дважды под названием «Суздальская земля». Сначала сказано, что Неврюй «повоева» «землю Суздальскую», а в самом конце, в описании смерти и похорон князя звучат знаменитые слова, которые вложены в уста митрополита Кирилла, провожавшего князя в последний путь во Владимире: «Чада моя, разумѣте, яко уже заиде солнце земли Суздальской»³⁵.

Обозначение великого княжения Владимирского как Суздальской земли вполне соответствовало терминологии XIII в. Оно было наиболее употребительным в древнерусских источниках для той территории, которая к середине XII в. сформировалась вокруг трёх центров – Суздаля, Ростова и Владимира – и оставалась в XIII в. под властью потомков Всеволода Юрьевича («Большого Гнезда»). Хотя вообще называть её могли по всем трём городам: Суздальская

---

³⁰ См. скептический взгляд: *Селарт А. К истории текста Жития Александра Невского. Эпизод о папских посланниках // Страны Балтии и русский Северо-Запад: исторический опыт взаимодействия. Материалы международной научно-практической конференции, Великий Новгород, 30 ноября – 1 декабря 2017 года. Великий Новгород, 2018. С. 58–67.*

³¹ *Майоров А., Руденкова И. Посланники папы Иннокентия IV к Александру Невскому: загадки биографической истории // Quaestio Rossica. Т. 11. 2023. № 3. С. 931–949.*

³² *Бегунов Ю.К. Указ. соч. С. 174.*

³³ Там же. С. 175.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 178.

земля, Ростовская и Владимирская, но чаще других до начала XIV в. использовалось именно первое из трёх названий³⁶.

Таким образом, территория под властью Александра очерчивается по его Житию как Новгородская земля и великое княжение Владимирское (Суздальская земля). Очевидно, эта территория была для автора «своей» в том смысле, в каком он писал о возвращении Андреяша после встречи с Александром к «своим». Но какая *общность* являлась «своей» для агиографа, что объединяло людей, живших на этой территории, и роднило с ним, и имела ли эта общность название? Можно попытаться выявить факторы солидарности, действенные для автора Жития, рассмотрев, какие области и общности и по какому принципу выделяются по соседству и вступают в то или иное взаимодействие с главным героем.

Выше говорилось о некоторых контрагентах Александра. Следуя сторонам света, автор Жития писал сначала о контактах с рыцарями «от западных стран» и о нападении на Александра «короля части Римских от полунощных стран», а потом о встрече Александра с «царем сильным на восточной стране». Правда, фактически представители полунощной и западной сторон оказываются из одной общности — области католической Церкви. В описании Невской битвы автор несколько раз называет подданных «короля»³⁷ «римлянами», подчёркивая их принадлежность Римской церкви, в то время как шведами (свеями) они ни разу не названы. И такое обозначение связывает их с папой римским, о котором говорится во второй части Жития, в описании его посольства («Нъкогда же приидоша къ нему послы от папы из великого Рима...»)³⁸.

С католической Церковью (Римом) прямо связывается и Ливонский орден. В общем, связь с Римской кафедрой «Божиих риторей» (рыцарей) или «слуг Божиих» (как они названы в другом месте Жития) и так очевидна. Но она подчёркивается ещё в рассказе о защите Пскова и Ледовом побоище. Агиограф начинает этот рассказ сообщением о военных действиях Александра против «немцев»: «По побѣдѣ же Александровѣ, яко же побѣди *короля*, в третии год, в зимнее время, поиде на землю Немецкую в велицѣ силѣ, да не похвалятся, ркуще: “Укоримъ словеньскый языкъ ниже себе”. Уже бо бяше град Псков взят, и намѣстники от немец посажени. Он же въскорѣ градъ Псковъ изгна и немецъ изсѣче, а инѣх повяза, и градъ свободи от безбожныхъ немецъ, а землю ихъ повоева и пожже и полона взя бес числа, а овѣхъ иссече. Они же, гордии, совокупишася и рекоша: “Поидемъ и побѣдимъ Александра и имемъ его рукама”» (далее следует рассказ о Ледовом побоище)³⁹.

Из слов, которые вложены в уста «немцев», следует, что они противопоставляют себя «словенскому языку». Разумеется, это не отражение некоего средневекового панславизма, и здесь не надо искать конфронтацию германцев и славян в духе национально-романтической историографии XIX в. В данном случае в древнерусском слове *язык* главным значением выступает не «народ»

³⁶ Горский А.А. Понятие «суздальский» в политическом лексиконе XII–XIV веков // На пороге тысячелетия: Суздаль в истории и культуре России. К 990-летию упоминания Суздаль в летописях. Владимир, 2015. С. 27–32.

³⁷ Король в Невской битве, как известно, не принимал участия. Это мифология автора жития.

³⁸ «Это не ошибка автора. Это его позиция», — справедливо пишет по этому поводу современный историк: Кудрявцев О.Ф. Александр Невский и католический Запад // Александр Невский: личность, эпоха, историческая память... С. 81.

³⁹ Бегунов Ю.К. Указ. соч. С. 169–170.

(как в других случаях), а собственно «язык» (*lingua*), и имеется в виду церковнославянский язык — язык богослужения и религиозной литературы в православных славянских странах. «Словенский язык» — это общность людей, объединённых верностью церковнославянскому богослужению. Таким образом, противопоставление «немцев» и «немецкой земли» «словенскому языку» в контексте Жития Александра Невского имеет религиозный смысл: католики, «часть римская» *versus* православные. Обозначение «немцы» в таком контексте приобретает надэтнический характер, и поскольку шведы не названы шведами, можно думать, что по умолчанию агиограф их фактически тоже числит немцами.

Именно немцев автор Жития рассматривает как главных врагов, и основной негативный заряд он направляет в их сторону. Но среди ругательных эпитетов и выражений, которыми он их награждает, наиболее сильны те, в которых проглядывает религиозный смысл. Немцы — не только «гордии» и «иноплеменники», но и «безбожны» и «язык непреподобен». Последнее выражение происходит из Библии, откуда агиограф брал и сравнения для подвигов Александра, имевшие смысл противостояния верных неверным (Александр защищает свою землю как «град святой» Иерусалим защищали от ассирийцев и т.п.).

Религиозный смысл заложен и в противопоставление «земли» Александра и Орды. Первое упоминание восточных «царя» и «царства» вводится в нейтральном контексте. Однако затем, описывая поездку к Батью Александра, агиограф пишет о «моавитских женах», отсылая к библейскому сюжету о войнах израильтян с моавитянами, а ещё ниже, имея в виду военную повинность с Руси ордынским ханам, пишет так: «Бѣ же тогда нужда велика от иноплеменникъ, и гоняхут христианъ, веляще с собою воинствовати. Князь же великий Александръ поиде к цареви, дабы отмолити людии от бѣды тоя»⁴⁰. В этом пассаже «людии», подвластные Александру (жители его «земли»), противопоставлены татарам как «христиане» «иноплеменникам»-нехристианам.

Рассказывая об отношениях Александра с Ордой, автор Жития не употребляет этнонима «татары». Получается, что для него этнические обозначения не были главным способом указывать на чуждые общности, с которыми приходилось иметь дело его герою. Собственно этнический характер имело только обозначение литовцев в известии, процитированном выше: «В то же время умножися языка литовскаго, и начаша пакостити волости Александрове» и т.д. Но это краткое сообщение имело второстепенное значение в общем нарративе. Все остальные международные размежевания в хронотопе Жития обусловлены политически и религиозно. На Западе и Севере — «римляне», на Востоке — «царство» Орды. «Немцы» — по умолчанию католики, и это скорее квазиэтническое или надэтническое обозначение. Под «Немецкой землёй» фактически имелись в виду полиэтнические политические образования в Прибалтике, которые контролировались колониальными религиозными властями (Ливонский орден, Рижское архиепископство).

Само по себе деление человеческих сообществ автор Жития Александра Невского представляет именно в виде народов: слово «языцы» (в значении «народ») — одно из наиболее частотных в его лексиконе. И он не игнорирует полностью этнонимию; он обозначает литовцев как «язык», он пишет про Пелгусия и Ижорскую землю (очевидно, подразумевая, что она населена наро-

⁴⁰ Там же. С. 177. В ряде списков Жития Александра Невского вместо «иноплеменник» сказано «поганых», и противостояние их «христианам» таким образом усиливается.

дом ижорой). И Орда, и немцы названы «иноплеменниками» – словом, прямой смысл которого указывал на родовые (племенные) связи. Но важнейшими для него являются политические и религиозные границы. «Земля» / «волость» Александра предстаёт именно в таком ключе: с политической точки зрения это те территории, где он княжил, с религиозной – выступал лидером «словенского языка», который хотели «укорить ниже себе» католики. Первичными для автора являются политическое подданство и церковно-религиозная принадлежность, и в конце Жития великий князь Владимирский и митрополит – важнейшие фигуры. *Своя* общность для агиографа – территория их власти.

Сам по себе такой подход (акцентировать политические и религиозные границы) для Средневековья обычный и вполне нормальный. Нестандартно другое – в Житии Александра Невского не упоминаются ни русь, ни слова, производные от этого этнонима. Такой общности как будто и не существует для агиографа, который поставил перед собой задачу оценить роль своего героя в широком, как бы сказали сегодня, геополитическом контексте. Он проигнорировал название, которое было столь важно для самосознания правящей династии («князья русские»), фигурировало в титуле митрополита («всая Руси») и служило самоидентификации подданных князя. Каким бы принципиальным ни был надэтничный подход средневекового книжника, всё-таки такое игнорирование руси не вписывается в традиции древнерусской литературы от «Повести временных лет» до «Слова о погибели Русской земли». Сравнение Жития Александра Невского с подходами автора Жития Михаила Тверского позволит высказать предположения о возможных причинах этого обстоятельства.

Ментальная карта Жития Михаила Тверского на первый взгляд структурирована совсем иначе. Здесь почти с первых строк появляется Русь. В то же время географическая перспектива гораздо уже, взгляд автора не скользит над полями и горами обширных пространств, а сосредоточен на относительно компактной территории. Попыток раскинуть действие по сторонам света здесь нет, и о международном контексте можно говорить только условно. Главное содержание произведения – конфликт Михаила и Юрия Московского, который разворачивается во Владимире и Твери, а затем казнь тверского князя в Орде после суда. Юрий выставлен в неприглядном свете, хан Узбек, вынесший приговор, осуждается, но основная вина возлагается на ханского приспешника Кавгадыя, выступающего орудием в руках дьявола.

Разбор географических ориентиров и объектов, которые фигурируют в Житии Михаила Тверского, логичнее начать с понятия руси, тем более что оно оказывается не вполне однозначным. Во вводной части, которая несколько отделяется от основной, понятие руси – и важное, и широкое по смыслу, и оно сразу вписано в главную парадигму противостояния Орде. В предлагаемом здесь историческом обзоре автор излагает основные моменты распространения христианства «в последняя лета» и наравне с апостольской проповедью важнейшим моментом этого процесса определяет крещение Руси: Бог «яви благодать свою на русскомъ языкѣ: приведе великаго князя Володимера русскаго въ крещение. Володимеръ же, просвъщенъ Святого Духа благодатию, введе всю землю Русскую въ крещение»⁴¹. Трижды употребленный эпитет «русский» указывает и на народ («язык»), и на страну («земля»), и на правителя – князя-основателя династии.

---

⁴¹ Кучкин В.А. Пространная редакция... С. 128.

Опираясь на заимствованные из летописи идеи и выражения, автор объясняет установление власти татар над русью: за умножение грехов Бог «посла на ны казнь» — «в конечную пагубу преда нас в руцѣ измаилтяном». «По великомъ жестокомъ пленении русстѣмъ», т.е. после нашествия монголов на Русь, сформировался такой политический режим: мы (русь) «оттолѣ начяхом дань даяти татарьскому языку. И егда коему князем нашим достовашеся княжение великое, хожаше князи русстии в Орду ко цареви, носящи множество имѣния своего»⁴².

Характеристика Владимира как «великого князя» предполагает прямую преемственность от него к тому «княжению великому» (владимирскому), современником которого был автор. Чуть ниже звеньями этой цепи указываются отец и дед Михаила (Ярослав Ярославич и Ярослав Всеволодич), оба, как подчёркивается, великие князья. Михаил предстаёт одним из «русских князей», которые владели раньше Русской землёй, но теперь вынуждены подчиниться «царю» в Орде.

Намеченное в этом обзоре противопоставление русского «языка» (народа) и татарского было не только этническим, но и политическим («русские князья» vs ордынский «царь»), а также религиозным: русь христианская оказывается в «плену» у «измаилтян» (язычников или мусульман). На религиозное противостояние работает библейская модель вавилонского пленения, применяемая агиографом для описания отношений руси и татар⁴³.

Религиозное осмысление событий становится главным в дальнейшем нарративе, в целом вполне выдержанном в агиографическом жанре. Последовательно на протяжении всего текста Жития развивается противопоставление религиозных общностей с акцентированными негативными оценками «поганых», угнетающих «христиан». Ярослав Всеволодич погиб «нужною смертию в Орде за крестьяны»; татары, приняв при Узбеке ислам («веру срацинскую»), «начаша не щадити рода крестьяньска»; татары «беззаконные измаилтяне», у них «скверные поганские руки» и «обычай»; Кавгадый «кровопийца», «беззаконный» и «окаянный» и даже хан Узбек «законопреступный» и «оканний» — вот лексика и оценки, которыми оперирует книжник. Этот резко антитатарский тон выделяется на фоне древнерусской литературы⁴⁴.

После «исторического введения» в тексте Жития Михаила Тверского нет специальных комментариев о Руси / руси. Однако упоминания её присутствуют как бы само собой разумеющимся фоном, задавая рамки ментальной карты всего произведения. Эти упоминания можно разделить на несколько категорий. Во-первых, в тех случаях, когда говорится о митрополите Максиме, всегда приводится его титул «митрополит всея Руси». Тем самым митрополичья власть или кафедра выступает носителем идеи христианской Руси, которая обозначена в историческом введении. Во-вторых, это понятие здесь имеет чисто географический смысл. Татары «отпустиша в Русь» или «на Русь» (о князьях), «бысть тягота велика в Руси», «повезоша его в Русь», «везуще по градом по русским» (о теле убитого Михаила) — в этих контекстах о Руси говорилось как

⁴² Там же. С. 129.

⁴³ См. об этой модели: *Лаушкин А.В.* Русь и соседи: история этноконфессиональных представлений в древнерусской книжности XI–XIII вв. М., 2019. С. 163–193.

⁴⁴ *Кучкин В.А.* Повести о Михаиле Тверском... С. 247–255; *Коняевская Е.Л.* Очерки по истории... С. 33–40; *Рудаков В.Н.* Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV в. М., 2014. С. 113–121.

о территории, отдельной от остальной территории Орды, фактически же, по контексту, о северо-восточной части древней домонгольской Русской земли. В-третьих, слово «русь» употреблялось в контексте сопоставления разных народов. В описании суда над Михаилом, вершившегося в ханской ставке, сообщалось, что там присутствовали люди «от всех язык», т.е. от всех народов. Ниже, уже после описания его казни, сказано, что «дворь блаженааго разграбиша русь же и татарове», «а имѣние русское повезоша к сѣбѣ в станы» татары⁴⁵. О руси говорилось как об одном из народов, представленных при ханском дворе.

Наконец, автор прибегает к выражению «князья русские», уже использованному им в «историческом введении». Один раз оно встречается в описании политики татар: «Обычаи бѣ поганых и до сего дни: вмещуци вражду между братиею князи русскими, себѣ множайшая дары възимають»⁴⁶. Автор имел в виду князей-потомков Всеволода Большое Гнездо, боровшихся за великое княжение. Подразумевая ту же борьбу за «грады и власти», агиограф обращается к «возлюбленным русским князьям» в кратком поучении, заимствованном из летописи, призывая «не прельщаться» мирскими благами⁴⁷.

Сопоставляя все эти упоминания и высказывания о Русской земле, можно сформулировать понимание руси, которое обнаруживал эксплицитно и имплицитно агиограф. В принципе он исходил, очевидно, из широкого понимания Русской земли как всей территории, население которой хранило христианскую веру, привитую Владимиром Святым, и признавало власть «русских князей», т.е. династии Рюриковичей. Вместе с тем его реальный кругозор ограничен той Русью, в рамках которой приходилось действовать его герою, — Северо-восточной. Соотнося власть Михаила с Русской землёй, автор Жития фактически отождествлял последнюю с великим княжением Владимирским, которым обладал князь.

Такое «узкое» понимание Руси не было уникальной особенностью Жития Михаила Тверского. После Батыева нашествия с середины XIII в. и на протяжении XIV в. в летописях и других памятниках письменности Северо-восточной Руси распространяется и закрепляется использование слов «русь» / «Русская земля» для характеристики не всей той территории, которая была подвластна Рюриковичам в домонгольское время, а именно Северо-восточной Руси — системы великого княжения Владимирского⁴⁸.

Основой великого княжения Владимирского была территория Суздальской земли в том смысле, в котором о ней писал агиограф Александра Невского (владения Всеволода Большое Гнездо, а в XIII — начале XIV в. — его потомков). Понятие Суздальской земли употребляется и в Житии Михаила Тверского, однако в другом, причём довольно своеобразном контексте. Определение «суздальский» упоминается дважды. Когда рассказывает о конфликте Михаила и Юрия, кульминацией которого стала битва у Бортенева (декабрь 1317 г., в ней Михаил победил Юрия и Кавгадыя), сказано, что Юрий пришёл «ко Тѣри ратью, совокупя всю землю Суздальскую». Позднее, когда Юрий отправился в Орду, он, согласно Житию, взял с собой «все князи суздальские

⁴⁵ Кучкин В.А. Пространная редакция... С. 155.

⁴⁶ Там же. С. 131.

⁴⁷ Там же. С. 157. Ср.: Кучкин В.А. Повести о Михаиле Тверском... С. 242.

⁴⁸ См. подробнее: Стефанович П.С. Русь / Русская земля в северо-восточных текстах конца XII — начала XIV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2023. № 4(94). С. 45–58.

и бояре из городов и отъ Новагорода»⁴⁹. Оба эти упоминания связаны с Юрием Московским, врагом и антагонистом Михаила, и это заставляет внимательнее присмотреться к ним.

Двойное напоминание, что Юрий пришёл именно со «всей» землёй Суздальской и со «всеми» суздальскими князьями, выглядит тем более нарочитым, что не соответствовало реальности. В тот момент, когда происходили описываемые события, Юрий был уже великим князем Владимирским, но фактически не мог собрать ни на битву, ни потом в поездку всех князей Суздальской земли, если понимать под ней владения потомков Всеволода Юрьевича. С Юрием в одной коалиции выступали лишь два его брата, московских князя, несколько князей незначительного Суздальского княжества (включавшего лишь сам Суздаль и небольшую территорию к северу от него) и, вероятно, один из младших князей Ростовских. Скорее всего, эти указания в Житии как раз и были вызваны тем, что главным элементом коалиции Юрия являлись второстепенные князья мелкого Суздальского княжества⁵⁰. Отталкиваясь от реального факта участия суздальских князей в борьбе против Михаила, агиограф в то же время явно хотел представить силы, противостоявшие его герою, серьёзными и внушительными. Лидером этого вражеского союза был Юрий Данилович — главный соперник Михаила, представленный в Житии узурпатором, который пошёл на поводу у татар, разжигавших «вражду» между князьями. Легитимность власти Юрия ставится под сомнение, и определение «суздальский» служит как раз для того, чтобы показать условность или ущербность его полномочий. Если Михаил выступает «князем русским», то Юрий — «суздальским» (интересно, кстати, что он не величается московским князем). В принципе оба определения имели в виду одно и то же, но на уровне терминологии книжник пытался противопоставить статусы князей, выставляя определение «русский» как более почётное и высокое.

Термин «земля» (в значении некоего территориального образования) в Житии Михаила Тверского употребляется ещё раз — в описании суда над Михаилом. Здесь агиограф указывал на присутствие разных народов, и одному из наблюдателей, по-видимому, симпатизировавшему князю, приписал такие слова: «А прежа ты слышахом царствующаго во своеи земли; абы еси, господине, во своею землю шель» («а прежде слышали, что царствовал ты в своей земле. Шёл бы ты, господин, в свою землю»)⁵¹. В какой земле мог «царствовать» Михаил? Надо думать, в Русской, если учитывать, что агиограф считал статус великого князя унаследованным Михаилом от Владимира Святого и называл великое княжение Владимирское Русью. Косвенно автор жития давал понять, что Михаила можно считать «русским царём», и справедливо заключение В.А. Кучкина, что это был способ показать «суверенный характер власти» князя и возвысить её авторитет⁵².

Помимо Руси и Орды важнейший объект хронотопа Жития Михаила Тверского — Тверское княжество, для обозначения которого используется не термин «земля», а несколько других слов. Хотя во вводной части Жития акцент

⁴⁹ Кучкин В.А. Пространная редакция... С. 134, 138.

⁵⁰ Городилин С.В. «Вси князи Суждальстии»: к вопросу о составе союзников и противников князя Михаила Ярославича в конце 1317–1318 гг. Часть II // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Вып. 13. Тверь, 2020. С. 75–83.

⁵¹ Кучкин В.А. Пространная редакция... С. 150.

⁵² Кучкин В.А. Повести о Михаиле Тверском... С. 259–261.

сделан на великокняжеском статусе Михаила, в основной его части на всём протяжении текста князь выступает преимущественно правителем Твери. Уже начиная рассказ о споре Михаила и Юрия из-за великого княжения, агиограф говорит о своём герое: «князю же ему въ [о]тчинѣ свои въ Тѣри»⁵³. Далее он ещё несколько раз использует слово «отчина» для указания на Тверское княжество как наследственное владение Михаила. Близким по смыслу выступает в Житии слово «отечество». Но если в Житии Александра Невского оно фигурировало в значении «владение, доставшееся по наследству от отца», то здесь оно имеет несколько другой оттенок, подразумевая скорее область происхождения, с которой у человека есть некая эмоциональная связь, т.е. значение, близкое современному слову «отчизна» (родина).

В конце Жития Михаила Тверского помещено благодарственное восхваление князя-мученика, подчёркивается связь Михаила с его «отечеством»: «Радуися, воине Христовъ непобѣдимыи, но всегда побѣжавыи врагы, находящая во отечество твое. Радуися, стратотерпче Христовъ, яко проиде святое имя твое въ всю вселеную. Радуися, ею же вжелѣ, то и сътвори, течение съверши, въру съблуди, прият венець от всѣх Христа Бога, Его же моли за отечество свое» (цитируется апостольское послание 1Тим. 4:7)⁵⁴. Михаил выступает здесь защитником и молитвенным заступником своего «отчества». По контексту именно Тверь надо понимать под этим «отчеством», святым покровителем которого стал Михаил после смерти. Непосредственно перед этим восхвалением рассказывается с особым пиететом о возвращении тела князя в Тверь. Нетленность тела свидетельствует о святости мученика. «Мощи святаго» будут почитать в Спасском соборе Твери, охраняя его «отчество»⁵⁵.

Со словами «отчина» и «отечество» связана одна важная для агиографа мысль. Уже в начале Жития и затем несколько раз на протяжении всего текста агиограф вспоминает евангельскую максиму о спасении того, кто «положит душу свою за други» (Ин. 15:13)⁵⁶. Вкладывая эту евангельскую заповедь в уста главного героя и рассуждая от своего лица, автор настойчиво проводит мысль, что Михаил сознательно принёс себя в жертву ради «своих друзей» и «христиан», — а эти люди и были жителями Тверской земли, населением его «отчества».

Показательны в этом смысле речи, которыми обмениваются Михаил и призванные им тверские епископ и знать («князи и бояре») перед Бортневской битвой. Призванные Михаилом подтверждают его правоту перед Юрием и выражают готовность защищать своего князя: Юрий и Кавгадый «взяша всю волость твою, а на другои стране (т.е. на другом берегу Волги. — *Л.С.*) в отчине твоеи то же хотят сътворити. А ныне, господине, поиде противу имъ, а мы за тебя хотимъ животомъ своимъ». О Тверской земле говорится как о «волости» и «отчине» Михаила. Ответное слово князя начинается с евангельской цитаты, выражающей уверенность в спасительном смысле жертвы ради тех, кого собравшаяся элита Тверской земли собирается защищать: «Братие, слышите, что глаголетъ святое Евангелие: “иже аще кто положитъ душу свою за други своя”, “велик наречетъся въ царствии небеснѣмъ”. Нам же не за единъ другъ, ни за два положити душа своя: селико народа въ полону, а ини избиении суть, жены

⁵³ Кучкин В.А. Пространная редакция... С. 130.

⁵⁴ Там же. С. 162–163.

⁵⁵ Там же. С. 159–162.

⁵⁶ Там же. С. 126, 135.

же и дщери их осквернении суть от поганых, а нынѣ мы иже за толика народа положимъ своя душа. Да вменится намъ слово Господне въ спасение»⁵⁷.

Ниже приводится речь Михаила к боярам, уговаривавшим его не ехать в Орду. Князь снова вспоминает евангельскую максиму, утверждая, что лучше «положити душу свою за многия душа», чем видеть, как «отчина моя вся в полону избиени будуть». Затем агиограф от своего лица поясняет: Михаил «умысли положити душу свою за отечество, избави множество от смерти своею кровию и от многообразных бѣд»⁵⁸.

Одна и та же мысль передаётся в разных контекстах, и слова «отчина» и «отечество» используются как синонимы, указывая на Тверское княжество и подразумевая тверичей «своими людьми», за которых идёт на смерть мученик. Не случайно Михаил как святой защитник и покровитель своего «града» уподобляется Дмитрию Солунскому, представлявшему некий архетип небесного заступника локальной (городской) общины⁵⁹. В целом, культ Михаила в Житии конструировался как элемент именно тверской региональной идентичности; это должен был быть *свой* местный святой.

И в нарративной композиции Жития, и в идейном содержании общность тверичей, правителем (и даже, если угодно, лидером) которой выступал Михаил, оказывается важнейшей и центральной. Однако эта общность напрямую не противопоставляется каким-либо другим (например, Московскому княжеству). Противопоставление заложено автором Жития на другом уровне – между Русью и Ордой, причём оно осмысливается не только политически, но и религиозно: как конфронтация между христианами и «погаными». Соответствующим образом представлены два столпа русской идентичности – «князья русские» и «святая вера», принятая Владимиром. В хронотопе Жития эти два столпа имеют, так сказать, онтологическую сущность – несмотря на те или иные исторические изменения и обстоятельства, они пребывают как бы изначально (с Владимира) и навсегда. Власть «татарского языка» представляется как чуждая и не касающаяся самой сущности бытия «в Руси»: внешняя с политической точки зрения, чуждая и по вере, и по «обычаям».

В самом изложении фактов мы видим, что Русь, окружающая автора и его героя, гораздо меньше Русской земли, крещёной Владимиром. Эта Русь «сжалась» до Северо-восточного региона, где Михаил сражается с Юрием и Кавгадыем. Это, однако, не смущает автора, который с помощью своеобразной метонимии – по принципу *pars pro toto* – переносит черты и саму сущность «всей Русской земли» на Русь под властью великого князя Владимирского. Та Русь, в которой пришлось жить и герою повествования, и его автору, оказывается как бы частным воплощением некой «идеи» Русской земли. Такой подход позволяет автору написать деяния князя, принесшего себя в жертву ради своей «малой родины» (Тверской «отчины» / «отечествия»), в более широкую историческую и политическую перспективу, обозначенную понятием Русской земли как «большой родины».

Если сравнивать Жития Михаила Тверского и Александра Невского, основным различием между ними надо признать наличие в Житии Михаила Тверского русского сознания, которое занимает как бы промежуточное ме-

---

⁵⁷ Там же. С. 135–136.

⁵⁸ Там же. С. 140.

⁵⁹ Там же. С. 140.

сто между локальной идентичностью и осмыслением межконфессионального и межцивилизационного взаимодействия. Вообще коммуникативные уровни с соответствующими им общностями и идентичностями в этом агиографическом тексте выстроены более ясно и логично и терминологически («отчина» / «отечество» Тверь — земля Русская — царство Орды), и идейно-содержательно (защита «друзгов своих»-тверичей — борьба «русских князей» с татарами — антагонизм христиан и поганых). Автор Жития Александра Невского в этом плане более сбивчив и неясен.

Во-первых, в этом памятнике нет ясно выраженной локальной идентичности. Агиограф пишет, что Александр стал «солнцем земли Суздальской». Но под этой землёй имеются в виду владения потомков Всеволода, ставших основой системы княжения Владимирского. Политически это была сложная конфигурация княжеств, которые начали обособляться в XIII в. и стали называться уделами в XIV в. Если автор и имел в виду какую-то идею единства земли Суздальской, он явно недостаточно её обосновал⁶⁰, а с другой стороны, он не выделяет и какой-то части в этой области (например, Переяславского княжества, родного для Александра). В любом случае, с Суздальской землёй плохо сочетается упоминание Новгорода как земли и отчины Александра. Новгород, хотя и был связан договорами с великими князьями Владимирскими, представлял собой отдельное автономное образование (со своей локальной идентичностью). Псков оказывался тем более чуждым и Александру, и Суздальской земле, которая за ним стояла. Не случайно, что в Житии Александра Невского нет последовательной терминологии: и «земля», и «волость», и «отечество» — все эти слова используются в равной мере для описания разных владений Александра, состав которых был непостоянен.

Во-вторых, не логично и, главное, в ярком противоречии с реальностью подаётся противостояние с соседями с западной и восточной «сторон». Акцентируется конфликт с римской Церковью и немцами — на них обрушиваются обвинения и негативные эпитеты. Зато реальная опасность от татар и их господство затушёвываються. Религиозный антагонизм тоже перекошен: язычество татар, гораздо более страшное и неприемлемое для христиан, даже и не замечается, зато христиане-католики эксплицитно отвергаются как чуждые. Религиозное различие с последними выражено квази-этническими терминами: «немецкая земля» и «словенский язык».

Наконец, автор Жития Александра Невского, хотя само этническое разнобразие признавал, понятия *русь* / *русский* не использовал. Между тем он их без сомнения знал, они были в живом употреблении. И даже более того, мы знаем точно, что современники осмыслили деятельность Александра именно в русле русской идентичности. Причём свидетельство об этом происходит из Новгорода, где, казалось бы, проявления общерусского сознания следовало ожидать менее всего. Современник событий, летописец, ведший владычную летопись при Софийском доме (скорее всего, некий пономарь Тимофей, упомянувший себя в летописи), записал такую посмертную похвалу Александру: «Даи, Господи милостивыи, видѣти ему лице Твое в будущии вѣкъ, иже потрудися за Новгородъ и за всю Русьскую землю»⁶¹. Новгородец, выходит,

⁶⁰ Ср.: Halperin Ch. Alexander Nevskii and the Suzdalian Land // Александр Невский: личность, эпоха, историческая память... С. 331–339.

⁶¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 84, 313.

труды князя «за всю Русскую землю» признавал, а владимирский агиограф их так не расценивал.

Размытость и непоследовательность хронотопа Жития Александра Невского можно связывать, на мой взгляд, с двумя обстоятельствами. С одной стороны, сказывались сам замысел и общая композиция нарратива. Подход автора сконцентрирован на фигуре Александра как светского правителя, причём с желанием показать только успехи и только на внешнеполитической арене. Но такой подход не мог не привести к очевидным перекосам, поскольку сама эпоха была далеко не героическая, наполненная трагедиями и горечью иноземного господства и борьбы разных центров власти на Руси. Автор явно озабочен тем, чтобы дать отпор тем или иным притязаниям именно с «западной страны», и, возможно, сознательно или бессознательно ориентировался на термины и лекала принятого там политического языка. Между тем, например, в папских посланиях, адресованных Александру Невскому (сохранились два письма 1248 г.), князь титулуется как Суздальский или Новгородский, а Русь вообще не упоминается⁶². Обратившись на Запад, агиограф мог перенять в какой-то мере ту ментальную карту, которая транслировалась оттуда и в которой Руси, по тем или иным причинам, не придавалось большого значения.

С другой стороны, сложность и противоречивость эпохи сказывались на этнокультурном сознании. Монгольское нашествие и возникновение Орды с «русским улусом» в составе привели к кризису общерусской идентичности, сложившейся в домонгольское время, и стали важнейшим фактором в формировании системы новых политических образований в Восточной Европе. Углубился раскол западно- и восточнохристианской цивилизаций. Автор Жития Александра Невского писал в переходную или даже переломную эпоху, и ему трудно было адекватно представить геополитическую картину мира в момент её структурной перестройки.

Житие Михаила Тверского отражает уже тот период, когда кризис начал преодолеваться и определились общности, вокруг которых стали складываться идентичности. Понятие Суздальской земли оказалось бесплодным и тупиковым; в Житии оно выступает как параллельное, но в негативном отношении к понятию Русской земли. Региональная идентичность стала выстраиваться вокруг удельных центров (таких, как Тверь), надрегиональная этническая — вокруг обновлённого понятия руси. Автор Жития понимал под Русью, прежде всего, систему великого княжения Владимирского, но соотносил её с Русской землёй в широком смысле как областью, принявшей крещение при Владимире и находящейся под властью «русских князей». Устойчивость этого русского самосознания поставлена в прямую зависимость от борьбы с Ордой и преодоления её господства.

Несмотря на различия, два жития, конечно, во многом сходны. Не говоря о требованиях агиографического жанра и библейском фундаменте, подчеркнут общность дискурса, опирающегося на идею провиденциальной истории и божественно определённых иерархии и власти. Оба автора работают в од-

---

⁶² Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь: конец XII в. — 1270 г. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002. С. 262–272. В то же время, в посланиях папы римского 1246–1248 гг. «Королём Руси» назван Даниил, князь Волынский и Галицкий (см.: Майоров А.В. Послания римского папы Иннокентия IV к Даниилу Галицкому: материалы для историко-археографического комментария // *Rossica antiqua*. 2015. № 1. С. 63–120). Отличия в титулатуре посланий, обращённых к русским князьям, могут объясняться по-разному.

ной идейно-литературной парадигме, предполагающей оперирование одними и теми же понятиями, в том числе территориально-географической номенклатуры, и такими приёмами, как экскурсы в историю религии (в Житии Александра Невского изложение истории христианства в диспуте с папскими послами; в Житии Михаила Тверского вводная часть с изложением истории веры) или создание образа чуждой общности («римлян» в Житии Александра Невского и татар в Житии Михаила Тверского) и т.п. Оба автора признают этническое многообразие мира вокруг них, поделённого на «языцы», но приоритетными выделяют политические и религиозные границы и критерии различения разных общностей. Но главное: агиографы конструировали образы своих святых героев как защитников «людей» / «христиан», что вверены самим Богом в их руки, и так между князьями и общностями, которые они возглавляли, создавалась духовная и символическая взаимосвязь. В обоих житиях утверждается идея, общая и с другими житиями святых князей средневековой Руси, что судьбы (героические или даже мученические) князей выражают «один и тот же подвиг жертвенного служения любви: за свой град, за землю Русскую, за православных христиан. В этой жертвенной любви, конечно, и закл ючается христианская идея княжеского подвига»⁶³. Вместе с тем эта главная идея могла насыщаться разными смыслами, и естественно, что средневековые книжники приспособливали её к разным лицам и историческим обстоятельствам, транслируя или конструируя разные ментальные карты и идентичности.

---

⁶³ Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М., 1990. С. 102–103.